

Ержан

Жумагулов

В КАКИЕ-ТО ИЗ ДНЕЙ...

* * *

Бродский читает Пушкина,
 Чуть монотонно, картаво,
 Зачем ему это нужно,
 У него и своих хватает.
 Бродский – Америке, не натужно,
 Нобелевский, не за деньги,
 Я думаю, ей это нужно,
 Пушкин – «мгновение».
 В Вашингтоне, Бродский, Пушкина,
 Злопыхатели в горлышке узком,
 Не на идише, инглише, пушту,
 А на самом родном ему – русском.
 Всем великим уйти, нет и Бродского.
 Время – тлен, но как свет вдохновения,
 Только слово излечит уродство,
 Только слово подарит мгновение.
 Сидя слушаем, те, кто слышит,
 Перескакивая века,
 Нам поэты даруют личное
 Из далекого далека.

КЕТ-БУКА

Я пишу стихи.
 Не ищите, потомки,
 Не найти их уже нигде,
 Для земных стихий
 Что мой голос тонкий?
 Я пишу стихи на воде.

Я представил себе:
 Век за веком вскачь,
 Мои пращурцы в седле, –

Острых сабель звон,
 Материнский плач, –
 Кровью дань платили земле.

Наша кровь разлилась,
 Не найти берега,
 За Дунаем, в Балканских садах,
 На Сирийских камнях
 За веками века
 Она всходит в красных цветах.

Наша кровь кипела
 В небесных котлах,
 На кострах сибирской тайги,
 Над найманской хоругвью
 В литовских войсках
 Гордо реяли наши тамги.

Сколько женщин красивых,
 Как спелых плодов,
 Нам отведать в пути суждено,
 Эту дань взяли мы,
 И ключи городов,
 И рахат-лукум, и вино.

И Пекин, и Дамаск,
 Моря Желтого яд,
 Редкий взгляд на Алтай, назад,
 Ускакали ввысь
 В летописный лист
 За чужою мечтою в ад.

Как я выжил тогда?
 Как остался жить?
 Пусть услышат меня везде:

В нашей крови
 Давно испарилась вода!
 Разве я пишу на воде?

Я остался жить
 С осколком клинка,
 Будоражит теперь он меня,
 И ни есть, и ни пить,
 За окном Кет-Бука –
 Ждёт, что я оседлаю коня.

А вода, звеня,
 Может петь в ручье,
 Может тихо грустить в пруду,
 Может слушать меня
 И слова мои
 Рассказать тем, кто завтра придут.

LIBERAMENTE

Мой младший сын,
 он в возрасте Христа,
 завидую ему, как друг, – его свобода
 не напоказ естественна, проста,
 серьёзна и чиста в любое время года.

Прощаясь у дверей, махнёт рукой,
 но счастлив я, во всём себя считая
 сообщником его почти, и сам душой
 в обнимку с ним хочу пойти, мечтая.

*Пусть будет жизнь твоя
 прекрасна и красива,
 Liberamente ритма и мотива.*

Мой старший сын, опять и я, и ты,
 как корабли плывём с тобой в разлуки,
 наверно, также в Питере мосты,
 прощаясь на ночь, размыкают руки.

Твой путь непрост, фарватер в глубине,
 а истины по-прежнему всё выше,
 как много глаз прикованы к тебе,
 пусть те, кто слышит –
 голос твой услышат.

*Пусть будет жизнь твоя
 прекрасна и красива,
 Liberamente ритма и мотива.*

Жизнь не проста, её круговорот
 на клавишах моих – восторг, печаль,
 и мне всегда хватать не будет нот,
 с которыми уходите вы вдаль...

А жизнь меж тем прекрасна и красива,
 Liberamente ритма и мотива...

Liberamente – (в музыке) свободно.

МИНУТЫ, ЧАСЫ, ДНИ НАШЕЙ ЖИЗНИ...

Они уходят, как уходят в горы,
 Друзья, которым возвратиться не дано,
 За ними тихим ручейком
 Затихнут споры
 О том, что будет, и чему не суждено.
 Потом не вспомнят, кто кого оставил,
 И сколько встреч осталось на потом,
 Зачем нам надо было
 Столько слов и правил,
 И умных формул, чтоб забыть о том,
 Что с этой тёплой землею нас связало,
 Как паутинками держа земную твердь,
 Висело небо простежёнными одеялом,
 И пело каждую весну в младую медь.
 О том, как липкой молодой листвою
 Весну окрасят пирамиды тополей,
 И, как прощаясь,
 Словно женскою рукою,
 Сквозь дни колышется
 Печаль прошедших дней.

* * *

В горах облака, облака, облака
 жмутся к скалам,
 как приплывающие издалика
 корабли к причалам,
 как письма, что где-то рождались,
 далеко нелегко когда-то,
 а потом не нашли адресата.

И некуда, некогда, некому, никому
нет дела до этой драмы,
последними птицами по одному
летят облака-телеграммы,
И как только ночь проглотит весь свет,
а с ним и все горы тоже,
Мир на ночь забудет про тысячи бед,
Миру покой дороже...

* * *

В какие-то из дней мне хочется идти,
отсчитывая вместе с пульсом
каждый шаг,
идти не быстро,
как бы утомлённо в горы,
и чтобы самый близкий
не мешал плести
мне кружева из тонких мыслей,
не спеша,
не ввязываясь в разговоры.

Они пусты, не к месту в тишине,
которая как от богов подарок,
которая как женщина,
что любит, но молчит,
и думает нескладно обо мне,
напоминая об ошибках старых
лишь сердцем, что отчаянно стучит.

Молчит о том, о чём нельзя сказать,
что весит легче, чем на соснах иней,
как не сказать о счастье на вершинах,
и я пытаюсь свои годы не считать
на траверсе, на кромке синей,
где скалы, как мои глаза, в морщинах.

В какие-то из дней мне хочется летать,
отвергнув притяжение земли,
подчас как мачеха холодной,
злой, вальяжной,
и острым кантом карвинга порвать
земную пуповину, и вдали
по небу плыть мелодией протяжной.

У этих, с виду добрых гор
характер плотоядный,

но не спешите милые, придёт мой час,
я подарю вам, как-нибудь,
свои fatal объятия,
...не в этот раз...

КИНЦУГИ

Как и всему, что окружает нас,
нам свойственно порой ломаться,
и трещины уродуют нас так жестоко
и наши судьбы, может быть, не раз.
Нам суждено навек остаться
в следах печальных, тех, что на виду,
и тех, что скрыты так глубоко.
Унять пытаюсь боль
и тайный горький смысл,
стремимся скрыть порой его,
а может, и забыть,
как будто забываем о пороках,
а между тем, мы сбрасываем мысль:
чтоб человеком настоящим быть,
не стоит забывать нам об уроках.
Конечно, трудно верить,
трудно продолжать
потрескавшийся наполнять сосуд
найденным счастьем,
но жизнь всегда даёт нам силы оживать,
восстать из пепла и руин,
прийти в конце пути на божий суд
в отметилах, оставленных ненастьем.
Ведь это наша жизнь.
Неотделимое от нас.
Наш опыт.
Это мы.

Кинцуги (яп. – золотая заплатка) – японское искусство реставрации керамических изделий.

НОКТИОРН

Как в песок, в мои листы
пролиты
из кувшина все слова,
то ли ты
поливал не те цветы
лютики,

проросла бурьян-трава,
 прутики.
 Протащила жизнь-река
 сердце-колокол
 по камням издалека,
 волоком,
 музыка меня спасла,
 за собой
 в клавишах в ночи звала
 голубой.
 И кружилась голова,
 ветром колкие
 посрывало с губ слова,
 смолкнут ли,
 я попробую собрать
 себя заново,
 из воспоминаний, чтобы стать
 заживо
 нотой, звуком, что утих,
 каплей музыки
 из-под пальцев чувственных твоих
 узеньких...

* * *

Ты – человек терпения,
 я – нет,
 ты можешь годами в сомнениях
 ждать рассвет.
 Я – человек обещания,
 я – сдержу,
 я и твои, в ожидании
 из тебя цежу.
 Ты слова словно взвешиваешь
 на весах,
 я пишу их на облаках, развешивая
 в небесах.
 Ты умеешь увидеть даль,
 далеко,
 близорук я, моё окно – хрусталь,
 мне легко.
 Ты не можешь дышать без правил,
 я – могу,
 я забыл уже, что оставил,
 я – бегу.
 Почему ж мне легко с тобой?
 Может быть,

я могу быть самим собой, –
 с тобой быть.
 Я закрою глаза, любя,
 ты приснишь,
 расставаясь, зову тебя:
 оглянись ...

* * *

Вдруг поймёшь, ты уже на подножке
 трамвая своей судьбы,
 он, качая тебя понемножку,
 мчится, в общем-то, в тартарары,
 сквозь пейзаж из стекла и бетона,
 плен неоновых вечеров,
 расставаний и встреч марафона
 к знаменателю без слов.
 Кто-то хочет остаться бесстрастным,
 предпочитая покой,
 и плыть ко всему безучастным,
 притворяясь порой травой.
 Ну а те, из кого как лава
 фонтанирует страсть и кровь,
 ценят миг, и для них не забава
 атмосферная жизнь и любовь,
 и летят горящей кометой
 мимо тех, кто от страха дрожит,
 ведь трамвай тот летит не к свету
 и уже не затормозит,
 мимо тех, кто живут в мышеловках,
 и пьют чай, что давно остыл,
 доживая на остановках,
 на которых пейзаж постыл...

КОРОТКО О СЕБЕ ...

Не умею писать разборчиво,
 Да и жить, как все, не могу,
 Почему-то назвали творчеством
 То, с чем мучиться одному.
 Почему-то, когда все прячутся
 И не лезут с бедой ни к кому,
 Одному, кто кричит и плачется,
 Всё позволено, одному.
 И когда всё на суд людям отдано,
 Что не каждый одобрит в душе,

Как торговец, когда всё продано,
 В пустоте сижу в неглиже,
 Сто ночей так, потом утром новым
 Птичка певчая станет петь,
 И опять я своим бестолковым
 Буду творчеством болеть.
 Вот и вы удивляться устали,
 И куда его вновь несёт,
 Тени вроде длиннее стали,
 Годы тоже теряют счёт,
 Только я всё пишу в своей блажи
 Для того, кто прочтёт по весне,
 Удивится и тихо скажет:
 Так ведь это же всё обо мне...

* * *

Слов в языке много,
 А нужного не найти,
 Словно иголку в стоге.
 Абрис края земного
 Виден, да не дойти.

Когда ты со мной рядом,
 Милые завитки
 Мне не распутать взглядом,
 Предновогодним нарядом
 В глазах твоих огоньки.

Время крадёт ночи,
 Время, оно как вода,
 Льется и, между прочим,
 Жизнь утекает сточным
 Ручейком в никуда.

А я всё ищущу снова,
 Снова и снова слова,
 Будто ищут другого

Признанья тебе неземного
 Мыслей моих кружева.

Хорошо, что ты молчалива,
 Я не вижу в словах добра,
 Да, весна была нетерпелива,
 Лето – жарким, неторопливым,
 И пусть осень будет щедрой...

* * *

Я иду вполне счастливый,
 удивляясь всем разметкам
 на асфальте полуночном
 золотого сентября,
 тем, что дождик шаловливый
 с ветром пролетел по веткам,
 разбросал дубов листочки,
 как листки календаря.

Я иду, точнее, всё же
 ухожу, теперь я знаю,
 издалёка, из-за лета,
 из-за вёсен, из-за зим.
 От себя идти негоже, –
 я к себе, я вырастаю
 из того, кем был так долго,
 и уже не буду им.

Я приду туда, где встретят,
 где нальют мне чашку чаю,
 словно не было тех долгих,
 иногда безликих лет,
 в кухне дым от сигареты,
 но я всё же различаю,
 здесь со мною – всё, что важно,
 всё, чего важнее нет.

Ержан Шакенович Жумагулов родился 4 июня 1954 года в городе Усть-Каменогорске. Автор книги «Liberamente» (Алматы, 2022), публиковался в России: «Литературный проект СовременникЪ. Поэзия напказ» (2021), Сборник поэзии и прозы «F Hiese of art» (Москва, Издательство «ITN», 2021).

